

АЛЕКСВЙ ГАРАДЖА, ИРИНА ПРОТОПОПОВА*

«ЧТО-ТО СМЕШНОЕ НА НАС НАПАЛО»**

О НОВОМ ПЕРЕВОДЕ ПЛАТОНОВСКОГО «ПИРА»

ПЛАТОН. ПИР : НОВЫЙ ПЕРЕВОД / ПОД РЕД. Д. РЫНДИНА ; ПЕР. С ДРЕВНЕГРЕЧ.
А. В. МАРКОВА. — М. : Рипол-Классик, 2019.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-1-265-285.

Продолжает радовать читателей «Рипол-классик», второй год подряд издавая новейшие переводы важнейших памятников античной философии в исполнении А. В. Маркова. Сначала «Метафизика» Аристотеля, а теперь еще и «Пир» Платона. При ближайшем рассмотрении, однако, радость уступает место иным эмоциям и реакциям, среди которых все же побеждает смех — безусловно позитивный показатель нужности подобного издания.

Научный перевод древнего памятника требует от переводчика умения работать сразу на трех уровнях: (1) текстовом (текстологическом), (2) языковом (лексико-грамматическом) и (3) содержательном (понятийно-тематическом). Лишь в этом случае перевод может использоваться в академическом обороте. Рецензируемое издание в таком качестве использоваться не может. Оно, правда, вроде бы и не претендует на научность, будучи помечено как «литературно-художественное», однако публикация греческого оригинала параллельно с переводом явно рассчитана на создание эффекта научной глубины и основательности. Зато бросается в глаза отсутствие других признаков научного издания — примечаний, комментариев, ссылок, списков литературы. Во введении, впрочем, кое-какие ссылки все же обнаруживаются: «В переводе диалога Платона и его понимании мы, как всегда, руководствуемся указанием

*Гараджа Алексей Викторович, старший научный сотрудник Платоновского исследовательского научного центра (ПИНЦ) Российского государственного гуманитарного университета (Москва), agaradja@yandex.ru; Протопопова Ирина Александровна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, руководитель Платоновского исследовательского научного центра (ПИНЦ) Российского государственного гуманитарного университета (Москва), plotinus70@gmail.com.

**© Гараджа, А. В.; Протопопова, И. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

больших умов» (с. 10), а именно Лео Штрауса (или «Стросса», как побунтарски, хотя и невпопад, предлагает читать автор), Марты Нуссбаум, М. М. Бахтина и Барбары Кассен, и даже Андрея Лебедева и Алексея Глухова. «Малые умы» — авторы богатой комментаторской литературы по «Пиру» последних (и не только) лет — остаются, конечно, за скобками. В самом деле, мало кто из них сумел бы по достоинству оценить блистательную аналогию, которой спешит поделиться с читателем Марков:

«По жанру „Пир“ Платона — мужской разговор в компании, причем разговор очень политически влиятельных мужчин», вроде обсуждения «нынешними топами, прибывшими на лимузинах в загородное владение успешного продюсера или руководителя телеканала, пород лошадей, яхт или частных самолетов, или, например, организации международного бизнеса с учетом сложных политических и экономических обстоятельств. Такие разговоры всегда перемежаются серьезными наблюдениями шутками, анекдотами и грубостями, „о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне“ — как ни странно, в этой четырехчастной строчке законспектирован весь „Пир“, о котором помещики из „Евгения Онегина“ не имели ни малейшего представления» (с. 7).

Насчет помещиков — не факт: в начале XIX в. Пушкину и его современникам были доступны как минимум два русских перевода «Пира»: Н. И. Новикова (1779) и М. С. Пахомова (1783), не говоря уже о французских. А насчет «очень политически влиятельных топов» — не они ли составляют целевую аудиторию нового перевода? Во всяком случае, расчет явно не на малые умы.

Обратимся, наконец, к тексту, и прежде всего — к вопросам текстологии. «Пир» занимает особое место в Платоновском корпусе: значительная часть второй половины диалога (начиная с 200b) сохранилась на папирусе (P. Оху. 843), датированном началом III в. н. э., тогда как самая ранняя рукопись (*Clarkianus* 39) относится к концу IX в. Публикация папируса (*The Oxyrhynchus papyri*. Pt. 5, 1908) заставила Дж. Бернета, издателя стандартного на сегодня греческого текста «Пира», внести коррективы в свое издание (Plato, Burnet, 1910: окончательный вариант, воспроизведенный — без аппарата — в TLG). Автор нового перевода «Пира» не считает нужным сообщить, с какого именно текста — кем установленного — этот перевод выполнен. Тем самым он по умолчанию принимает на себя ответственность — либо присваивает заслугу — не только за перевод, но и за оригинальный текст памятника. Как выясняется, параллельный греческий текст в книге на самом деле не просто скопирован из TLG. Любой, кто вплотную занимается «Пиром»,

способен опознать в нем элементы, восходящие к Германову изданию (Plato, Hermann, 1851)¹. Оттуда же и нумерованные Беккеровы параграфы-подглавки. А вот с трудом объяснимая правка пунктуации — с явными ошибками, вроде использования корониса вместо апострофа, — как и включение в *тело* текста отсутствующих в рукописях меток участников диалога (ср. Ἐταῖρος на с. 44), — целиком заслуга публикатора; совсем уж нелепо смотрится (в русской колонке) кириллический «перевод» букв, маркирующих разделы Стефановых страниц. Остается лишь гадать, чего ради все это понадобилось, чем не устроил стандартный Бернетов текст, доступный в TLG: своих предпочтений и решений переводчик никак не объясняет, а может, и вовсе не осознает. Вообще говоря, сопровождать перевод параллельным текстом оригинала — прекрасная идея, но только если исполнение на уровне, чего в нашем случае не обнаруживается. Причем сегодня от того, кто решил по-своему представить текст оригинала, никто, конечно, не ждет нового снесения рукописей: для примера можно указать на замечательное доверовское издание «Пира» (Plato, Dover, 1980) — тоже с рядом (поясняемых) отклонений от Бернетова текста, минимальным — но крайне наглядным — аппаратом и подробными комментариями.

Прежде чем перейти к обзору языковых особенностей перевода, приведем отзыв Маркова о переводе его предшественника С. К. Апта:

«Находки» вроде «Пошлая Афродита» в противоположность Небесной (ах, не пошл ли такой перевод!) или (мудрость) «осенила в сенях», должны быть решительно отвергнуты как дающие превратное представление и о мысли, и о стиле Платона. В этих переводах совершенно не сохраняется та карнавализация культуры, которая нас интересовала больше всего (с. 37).

Что ж, резко и бескомпромиссно. И как же сам он передает, к примеру, προσέτη ἐν τοῖς προθύροις (Pl. Symp. 175d1: «осенила в сенях» по Апту)? Следующим образом: «накрыла на крыльце». Это даже не Verballhornung. Не всем, конечно, достанет решимости «отвергнуть превратное» и оценить это бесспорное улучшение.

¹Ср. 180d1: ὁπότερον вместо ὁποῖον у Бернета, или 188с7: τοὺς Ἑρωτῶς вместо τοὺς ἑρώτων, причем у Германа τοὺς Ἑρωτῶς из текста исключается, а здесь включено — вслед за Бери (Plato, Burg, 1909) или Лэмбом (Plato, Lamb, 1925)? «Лосевский» Платон тоже, как известно, основывался на смеси Бернета с Германом, хотя включенный во 2-й том перевод «Пира» С. К. Апта (Платон, Апт и Столяров, 1993, первое издание Платон, Апт, 1965), на сегодняшний день самый популярный и качественный, скорее всего, исходил из текста Штальбаума (Plato, Stallbaum, 1852).

Теперь попробуем разобрать подробнее перевод, к примеру, Стефановой страницы 174 (рассказ Аристодема о том, как они с Сократом направляются на пир к Агафону).

Встречаю я Сократа, всего такого умытого и в модной обуви, — надо же, Сократ и модная обувь (аз-4).

(1) Сократ помылся в бане, а не просто ополоснул лицо (обычный смысл «умывания» в русском); (2) никакой «модной обуви» на нем нет — надеты обычные сандалии², и вся соль в том, что Сократ вообще *обут* — как правило, он ходил босиком, ἀνυπόδητος (ср. 220b), в чем подражал ему и рассказчик Аристодем (173b: ἀνυπόδητος ἄει Марков только что перевел как «у которого даже на обувь не хватает»); (3) наконец, «надо же» должно относиться и к обутости, и к помытости (в тексте, без всякого «надо же», буквально сказано: «вещи, которые он делал очень редко»). Конечно, идеально точного перевода с одного языка на другой быть не может. Вопрос в удельном весе этих неточностей и в том, ради чего переводчик может на них идти. В любом случае необходимо сначала понимать, о чем идет речь в оригинале, прежде чем пытаться как-то переиначить — «карнавализовать» — текст в переводе. В нашем случае слишком часто подобное «оживление» сочетается с полным непониманием платоновского текста и в плане языка, и в плане реалий.

А ты поддержишь решение пойти на ужин без приглашения? (аg-b1)

От живости — в ничем не оправданную тяжеловесность. Какое еще «решение»? Греческий текст и вправду несколько витиеват, однако легко перефразируется (πῶς ἔχεις πρὸς τὸ ἐθέλειν ἄν ἰέναι ἄκλητος ἐπὶ δεῖπνον; = πῶς ἔχεις; ἐθέλοισ ἄν ἰέναι ἄκλητος ἐπὶ δεῖπνον), и перевод, казалось бы, очевиден: «Ты как, пойти на пир незванным не желаешь?» Конечно, здесь более чем уместно было бы пояснить слово ἄκλητος и связанные с ним реалии, что помогло бы адекватному пониманию последующего рассказа.

Сократ все время падал в себя всем умом, и поэтому плелся сзади все путешествие; но только остановишься, он велит поскорее идти вперед. А когда мы подходили к дому Агафона, еще издали опознали, что дверь открыта. И вот, — говорит (Аристодем), — что-то смешное на нас напало. Вот что:

²Некоторые переводчики действительно считали уместным маркировать βλαῦτα: как-никак слово это, вероятно, негреческое, потребовало схолии. Но необходимость такой маркировки далеко не очевидна: «fancy slippers» (Benardete, 2001) — явный перебор, «парадные сандалии» (Платон, Жебелев, 1922) еще хоть как-то уместны, коль скоро подразумевается выход при параде как таковой, а не качество обуви.

в дверях возник слуга, и подхватив Аристодема, повел, где уже возлежали остальные, уже приготовившись ужинать (d₄-e₄).

«Падение умом» и «нападение смешного», пожалуй, можно отнести к числу ярчайших «находок» рецензируемого перевода. Не беремся объяснять, каким образом τὸν οὖν Σωκράτη ἑαυτῷ πῶς προσέχοντα τὸν νοῦν («Сократ все как-то погружался в собственные мысли») превратилось в то, во что превратилось, — быть может, английское «fall behind» для ὑπολειπόμενον некстати попало тут переводчику на глаза? Едва ли. Он, кажется, совсем не интересуется решениями своих коллег, переведивших «Пир» на другие языки. При иных обстоятельствах это можно было бы записать переводчику в плюс: еще бы, сразу с греческого (!) — когда вокруг столько псевдопереводов якобы с греческого, а на деле с английского. Увы, плюс не проходит. «Еще издали опознали» (во мн. ч.) в греческом тексте не опознается, и уж совсем не понял переводчик, в чем заключалось τὸ γελοῖον, приключившееся с Аристодемом — оно вообще-то только на него одного «напало» — и объясняемое чуть ниже (e₉): μεταστρεφόμενος οὐδαμοῦ ὄρῳ Σωκράτη («обернувшись, я нигде не увидел Сократа»). Подробно все тонкости этого места — как раз в связи с вопросом о «званости», к которому то и дело возвращается и рассказ Аристодема, — обсуждает Плутарх (Plu. Quaest. conviv. 7.6.1-2 = M. 707a-708a). Ἀκλήτος — это, собственно, нахлебник-паразит, которого званому гостю разрешалось привести с собой в дом хозяина угощения: в смешном положении Аристодем оказывается у двери Агафона, потому что «светило» куда-то пропало, и на порог явилась лишь «тьень» (σκιά) — именно так греки, а следом и римляне, называли подобного персонажа, — а между тем Сократ только что как будто пообещал своему спутнику объясниться на его счет с хозяином. Пообещал небрежно-лукаво переиначенной цитатой из Гомера: Σύν τε δὴ, ἔφη, ἐρχομένῳ πρό ὀδοῦ βουλευσόμεθα ὅτι ἐροῦμεν (d₂-з)³.

³У Гомера (Hom. II. 10.224-225): Σύν τε δὴ ἐρχομένῳ καὶ τε πρό ὀ τοῦ ἐνόησεν Ὀππῶς κέρδος ἔη («Двум совокушно идущим, один пред другим вымышляет, Что для успеха полезно», пер. Гомер, Гнедич, 2008). Надо сказать, многие издатели (Герман, но не Бернет) выравнивают рукописное πρό ὀδοῦ под гомеровское πρό ὀ τοῦ, однако с оглядкой на предшествующий пассаж о порче пословиц и с учетом того, что в другом месте (Pt. 348d) Платон абсолютно точно цитирует ту же строку, рукописное чтение смотрится предпочтительней. В идеале перевод должен учитывать эти нюансы и выглядеть (с учетом Гнедича) как-то так: «Двум совокушно идущим, один пред другим по дороге, придумаем, что нам сказать».

Совершенно искажен предыдущий пассаж о порче пословиц, где спутники перекидываются репликами в связи с темой «званости» (b3–c4):

— Идем, и нарушим присловье, изменив его так: «На счастливцев пирах счастливые вдруг очутятся». Гомер до того обнаглел, что не просто нарушил присловье, но впал в кощунство. Сочинив, что Агамемнон особо счастливый муж в боях, а Менелай — жалкий рядовой, он, когда Агамемнон принес жертву и стал всех угощать, злостно выдумал, что Менелай без приглашения пришел на раздачу, сам будучи ничтожеством — к отличившемуся в бою.

С таким переводом нельзя даже подступиться к обсуждению скрытых намеков и переключек платоновского текста, поскольку элементарная лексика переврана безнадежно и необъяснимо. В каком мире ἀγαθός (добрый, доблестный) уместно переводить как «счастливый», κινδυνεύω (рисковать, отваживаться) — как «налететь», а θοῖνη (угощение, трапеза) — как «раздачу»? Остроумная реплика Сократа сползает в полную невнятность, а попытка восстановить смысл — если не логику — несуразной по-русски фразой («Гомер, когда Агамемнон сделал то-то и то-то, злостно выдумал») довершает разгром платоновских смыслов⁴. Может закраситься подозрение, что переводчик сознательно провоцирует читателя, умеющего прочесть и по-гречески, — а для кого же еще параллельный текст? Однако для сознательной провокации — например, как Сократ провоцирует Аристодема — необходимы по-настоящему выдающиеся компетенции, хотя бы чисто языковые, здесь же не просматривается и базовых.

И вот так, с грехом пополам насилуя и греческий язык, и русский, переводчик и выстраивает свой текст — не стесняясь собственного невежества и даже выпячивая его; непонятное не вызывает у него любопытства, желания выяснить, уточнить, посмотреть и сравнить в другом месте — и это, пожалуй, самое печальное⁵. К счастью, печаль перебивают новые *deliciae*.

⁴Подробное обсуждение этого места см. Протопопова, 2016b. О связи и значении эпитетов μαλθακός αἰχμητής (174c1) и μαλακός (173d8) — у нашего переводчика «жалкий рядовой» Менелай и «тюфяк» Аполлодор — ср. Протопопова, 2015.

⁵Например, что значит ταῦτα εἰπὼν ἔτεμε τοὺς ἀνθρώπους δίχα, ὥσπερ οἱ τὰ ὠὰ τέμνοντες καὶ μέλλοντες τὰριχεύειν, ἢ ὥσπερ οἱ τὰ ὠὰ ταῖς θριξίν (190d6–e2)? Все просто: «На этих словах он разрубил людей пополам, как разрезают ягоды перед засолкой или как яйца волосом», и кому какое дело, что перевод сделан с учетом конъектуры Рунке (δα «ягоды рябины» вместо первого ὠὰ «яйца») — принятой, кстати, и Бернетом, и Германом, — а в параллельном тексте оставлено рукописное ὠὰ? А это место: φόβος οὖν ἔστιν, ἐὰν μὴ κόσμιοι ὤμειν πρὸς τοὺς θεούς, ὅπως μὴ καὶ αὐθις διασχισθόμεθα, καὶ περὶ μὲν ἔχοντες ὥσπερ οἱ ἐν ταῖς στήλαις καταγραφῆν ἐκτετυπωμένοι, διαπετριμένοι κατὰ τὰς ῥίνας, γεγονότες ὥσπερ λίσται (193a3–7)? Λί-

«Слуга вымыл ему ноги, а то как на лавку и с грязными ногами» (175aб: Καὶ ἔ μὲν ἔφη ἀπονίξειν τὸν παῖδα ἵνα κατακέοιτο). «Ведь моя мудрость какая-то дрянная, так что и мудростью ее вряд ли назовут, разве что во сне пробурчат» (175e2–4: ἡ μὲν γὰρ ἐμῆ [sc. σοφία] φαύλη τις ἂν εἴη, ἢ καὶ ἀμφισβητήσιμος ὥσπερ ὄναρ οὔσα). Тактика переводчика абсолютно понятна: решив обойтись без комментариев, свои толкования он стремится «упаковать» в текст. Метод вполне допустимый и даже, бывает, выигрышный, однако требующий большого *takta* в отношении переводимого текста. Здесь же этого нет — как нет в оригинале никаких «грязных ног», «бурчаний во сне» или «россыпей доблестных поступков» (222a4: πλεῖστα ἀγάματ' ἀρετῆς — подумаешь, в тексте ἀγάματα⁶).

К переводимому смыслу переводчик относится на редкость пренебрежительно, однако при этом не оставляет попыток «приукрасить» текст — например, с помощью этимологизации. Вот как у Маркова Эриксимах завершает свою вступительную речь с предложением восхвалить Эрота: «если вы согласны, начинаем перетирать словами» (177d1: ἐν λόγοις ἱκανῆ διατριβῆ). Перевод διατριβῆ этимологически верен, но уместен лишь в подобной бестактно осовремененной картине, к тому же опущено определение ἱκανῆ, «подходящая». Такую же отсылку к разговорам мы видим в переводе заключительного предложения диалога: ἡμέραν διατριβεῖν (223d11), «провести день», превращается у Маркова в изысканное ритмически-аллитерирующее, но совершенно не подкрепленное текстом «и этот день дробил речами». А вот еще одно место с διατριβῶ, в начале диалога: Сократ, которого, по словам Маркова, «накрыла на крыльце» мудрость, зашел в дом Агафона к середине пира, промешкав не так долго, как обычно (175c4–5: ἦκειν οὖν αὐτὸν οὐ πολὺν χρόνον ὡς εἰώθει διατρίψαντα). Что же здесь видит переводчик? «Наконец, проговорив менее обычного, Сократ прибыл». Тут наше воображение окончательно сдается: Сократ одиноко и молча стоял у дверей соседнего дома, не откликаясь ни на какие призывы, и это несколько раз подчеркнуто

σπαι — не проблема, не повод для любопытства, сойдет и так: «Есть еще страх, что если мы не будем прилично себя вести перед богами, они еще могут еще раз нас рассечь, и мы будем как надгробные барельефы, где от носа остается половина, или как портреты на монетах». Все это, конечно, мелочи для малых умов, но без их внимательной оценки получаются разве что «отрезы мужчин (ἄρρεος τμήμα), гоняющиеся за мужчинами еще с детства» (191eб). Ср. об этих местах «Пира» Гараджа и Протопопова, 2015.

⁶В другом месте (216eб) от ἀγάματα — внутри Сократа — уже не так просто отделаться. Но переводится это слово совершенно удивительным образом: «резные драгоценные камни». О сократовских ἀγάματα ср. Протопопова, 2016а.

как его особенность — сначала о такой его привычке говорит Аристодем (175b), а дальше Алкивиад рассказывает, как однажды Сократ простоял так в полном молчании почти сутки (220cd). Но Марков решительно отвергает свидетельства платоновских персонажей: Сократ у него не прекращает говорить ни на миг. С кем же он говорил, стоя в одиночестве на крыльце, — разве что со своим *даймоном*? И тут мы догадываемся, что переводчик просто ассоциирует διατρίβω и производные с «диатрибами», невзирая ни на словари, ни на контекст, ни на здравый смысл.

Другой пример:

Кстати, не только меня, но и Хармида Главконовича и Евфидема Диоклеевича, и многих других. Он их сбивает с толку, представляя себя любовником, но потом становится для них возлюбленным, а не любовником. Прошу, Агафон, чтобы он тебя тоже не сбил с толку, а то мы обожглись на молоке и дуем на воду. Пусть не будет, как гласит поговорка, «боль лучшим учителем» (222a8–b7).

Трудно объяснить, что именно тут не так — все вроде на месте, и даже поговорок целых две по цене одной в оригинале. Только речь-то не о современных русских «топах», собравшихся в сауне «перетереть словами». Речь об афинских гражданах со своими особыми, привязанными к месту и времени интересами, привычками и реакциями, вплоть до обычая передавать вкруговую чашу (и слово) от соседа-сотрапезника слева соседу справа: «Думаю, каждый из вас, с правой руки считая, должен сказать хвалебное слово Эросу» (177d2–3). Перевод ἐπί δεξιὰ дополнен истолковательным «считая», но этого недостаточно: справа от «Эриксимаха Акуменовича» (176b5), высказавшего это предложение, лежал Аристодем, а взявший слово первым Федр («софист, которого сейчас легко представить молодым начальником отдела, редактором сайта или руководителем пресс-службы», с. 18) располагался на крайнем ложе по *левую* руку от него (по *правую* — лишь на взгляд кого-то входившего в пиршественный покой)⁷.

Не станем придираться к предельно сглаженной передаче гомоэротических коннотаций, хотя как раз там, где рассказывается об «оскорбительной» игре Сократа с переменной ролей, не помешало бы добавить щепотку «карнавальной грубости», которую читателю вроде бы обещали. Обратимся лучше к тем, кто «больше обращаются к женщинам» (орфография и пунктуация авторские):

⁷Подробнее о топографии «Пира» см. Гараджа, 2016.

Кто вынашивают телом, те больше обращаются к женщинам и в этом эротичны, потому что думают обрести бессмертие, память и милость благодаря детям, в залоге будущих времен. А кто вынашивают душой — существуют те, кто душой вынашивают больше чем телом, — те и носят и порождают подходящее для души (208е5–209а3).

Это важное — но и такое простое — место из речи Диотимы, казалось бы, очень трудно исказить. Но нашему переводчику все удается. В тексте буквально сказано следующее:

Те, кто [беременны] в теле, больше (μᾶλλον) обращаются к женщинам и в этом проявляют свой эрос, стремясь произведением потомства (διὰ παιδογονίας) обеспечить себе (αὐτοῖς), как им мнится, бессмертие, память и процветание (εὐδαιμονία) на все грядущие времена (εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον πάντα: «в залоге будущих времен» звучит странновато, даже если это попытка передать проглядывающий здесь обрывок стихотворения). А кто в душе⁸ — есть ведь те, кто душами вынашивают даже больше, чем телами, то, что душе пристало и вынашивать, и рожать (κυσῶσιν [...] ἃ ψυχῇ προσήκει καὶ κηῖσθαι καὶ τεκεῖν).

Рассмотрим еще одну концентрированную порцию лексико-грамматических неточностей, приводящих к расплыванию смысла, — на сей раз, из речи Эриксимаха (188b6–d3):

А также и все жертвы и все чем ведает искусство гадания (оно занимается общением между богами и людьми), стоят на страже Эроса и исцеляют. Ведь всякое нечестие любит появляться тогда, когда угодники радуют не нашего приличного Эроса, не чтут его и не служат ему во всяком деле, чтобы сделать отношения с родителями живыми или умершими и богами справедливыми, но другого Эроса. Задача гадания — наблюдать за Эросами и производить исцеления. Тогда получается, что гадание — Бог-творец дружбы богов и людей, раз он знает, какие эротические отношения между людьми правдивы и уважаемы.

Что же мы видим? (1) «общение» (κοινωνία) соотнесено лишь с «искусством гадания» (μαντική), а «жертвы» (θυσίαι) отсечены; (2) «стоят на страже и исцеляют»: перевод глаголами вместо подчеркнутой субстантивации в оригинале (ἵσσις), опущен оборот οὐ περὶ ἄλλο τί ἐστὶν ἢ περὶ («не для чего другого, как»); (3) φιλεῖ γίγνεσθαι — не «любит появляться», а «легко/обычно появляется», никаких «угодников» в греческом

⁸В оригинале здесь анаколупный сбой, в котором некоторые исследователи усматривают элемент пародирования речи Федра, — почему же наш переводчик, упрекающий своих предшественников в игнорировании «речевой физиономии» (с. 37) каждого из персонажей «Пира», этого не использует, а наоборот «приглаживает» фразу?

тексте, конечно, нет, а «отношения к родителям и богам» в оригинале связано с нечестием («чтобы сделать справедливыми» придумано для выправления логики); (4) «Задача гадания — наблюдать за Эросами и производить исцеления» подвисает в воздухе: игнорируется ἄ δῆ, уточняющее предмет наблюдения и исцеления, которыми выступают тут другие Эроты — или «любящие» (τοὺς ἐρώντας по Бернету); (5) «Богтворец» для δημιουργός столь же здесь неуместен, как и «угодники», а «эротические отношения между людьми правдивы и уважаемы» — это на самом деле «эротические проявления у людей, устремляющие к правде и благочестию» (τὰ κατὰ ἀνθρώπους ἐρωτικά, ὅσα τείνει πρὸς θέμιν καὶ εὐσέβειαν).

Такой перевод можно назвать «паллиативным» — по аналогии с лечением. Остается лишь угадать с теми, кому он действительно необходим, и обозначить требования к тому, кто вправе его прописывать (вообще-то А. В. Марков — доктор филологических наук).

Наконец, отметим еще одну неточность в самом начале речи Эриксимаха: «Федр всякий раз на меня нападает: ты богов не боишься, Эриксимах», — так переводит Марков простую фразу Φαῖδρος γὰρ ἐκάστωτε πρὸς με ἀγανακτῶν λέγει· Οὐ δεινόν [...] ὧ Ἐρυξίμαχε (177a5), а на самом деле: «Федр всякий раз, негодуя, говорит мне: не ужасно ли, Эриксимах...» Далее Эриксимах пересказывает претензии Федра к поэтам, никто из которых не восхвалил должным образом Эрота. А у Маркова выходит, что Федр нападает на своего друга врача Эриксимаха, будто тот «Бога не боится», потому что поэты не восхвалили Эрота. Возникает ощущение, что переводчик, завершая фразу, уже забыл ее начало.

Добравшись до стилизованной под Горгия речи хозяина дома, Агафона, — точнее, ее заключительной части, ритмизованной *peroratio* (197d1–e5), — неожиданно обнаруживаем, что переводчик все-таки старается передать уникальный платоновский стиль, с которым он так успешно боролся «грязными ногами по лавкам», «падением умом», «Евфидемом Диоклеевичем» и прочими «угодниками». Попытка похвальная, но опять-таки автору мешают затруднения с языком и специфические приемы преодоления этих затруднений: перевод «методом тыка», отсечение непонятного или непонятого, необоснованные вставки⁹.

⁹Ср. (еще в основной части речи) «У бога Эроса отменный цвет кожи, потому что он питается только цветами» для χρῶς δὲ κάλλος ἢ κατ' ἀνθὴ δίαιτα τοῦ θεοῦ σημαίνει («прекрасный цвет лица у бога объясняет то, что он проводит жизнь среди цветов», 195a7–8; значение «диета» для δίαιτα здесь невозможно). О поэтической организации этого текста и вероятном намеке на отмеченную Аристотелем (Аг. Ро. 1451b21) трагедию Агафона

Вот почему когда появился Эрос, в делах богов стало так много тщательности и прибранности. Ведь он за красоту, и чужд позору (197b3–5).

Параллельный греческий текст такой: ὁθεν δὴ καὶ κατεσκευάσθη τῶν θεῶν τὰ πράγματα Ἐρωτος ἐγγενομένου, δῆλον ὅτι κάλλους (αἰσχεῖ γὰρ οὐκ ἐν Ἐρωσι¹⁰), то есть:

Вот почему устроились дела богов, как только появился Эрот — любовь к прекрасному (κάλλους: *gen. obj.*), как очевидно, ведь на уродство нет любви¹¹.

А вот как передан перепев Сократом этого утверждения чуть ниже (201a4–5):

Дела богов получили снаряжение благодаря эросу прекрасных дел, а эроса безобразных дел не бывает (τοῖς θεοῖς κατεσκευάσθη τὰ πράγματα δι' ἔρωτα καλῶν-αἰσχυρῶν γὰρ οὐκ εἴη ἔρωσι).

Отрадно, что хотя бы здесь αἰσχυρός соотнесено с «безобразием», а не «позором». Печально, что переводчик по-прежнему не понимает, о чем речь, и никак не связывает сократовскую реплику с прозвучавшим выше высказыванием Агафона. По-настоящему переводить стоило бы так:

Дела богов устроились благодаря любви к прекрасным вещам, ведь любви к уродливым вещам быть не может.

Вернемся к заключению Агафоновой речи, которой переводчик явно уделил особое внимание. К сожалению, одного старания недостаточно. Речь идет о важнейшем тексте, где Платон вовсю раскрывает свое писательское мастерство, притом что текст этот, собственно говоря, — пародия. И ведь никто не ждет от переводчика, чтобы тридцать один колон, на которые можно разбить перорацию Агафоновой речи, все были ритмически оформлены точь-в-точь как в оригинале, чтобы не были упущены ни одна рифма, ни одна аллитерация. И ведь есть замечательный образец русского перевода сочинения автора, послужившего образцом для платоновского Агафона, — «Похвалы Елены» Горгия в исполнении С. П. Кондратьева. Да и перевод С. К. Апта этого места «Пира» вполне достойный, хотя и не без огрехов. А что же делает наш переводчик?

«Цветок» нет даже смысла упоминать, поскольку здесь еще переводчик, кажется, не старается.

¹⁰ ἐν Ἐρωσι: чтение по Герману и даже Хугу, у Бернета ἐπι ἔρωσι.

¹¹ Ср. οὐ γὰρ ἔχει Ἐρωτα Ἄρης, ἀλλ' Ἐρωσι Ἄρη — Ἀφροδίτης, ὡς λόγος (196d1–2): здесь тоже переводчик не понял элементарного синтаксиса («Ведь не Арес взял в плен Эроса, но Эрос — Ареса, — вспомним Афродиту», а на самом деле — «Ведь не Арес владеет Эротом, а Эрот Аресом, то есть любовь к Афродите, как сказывают»).

(1) антитеза ἀλλοτριότης — οἰκειότης: «отчужденность» — «сродненность» (ср. 2б1а4), а не «чуждое нам» — «чувство дома»; (2) τὰς τοιαύσδε συνόδους μετ' ἀλλήλων πάσας τιθεῖς συνιέναι, ἐν ἑορταῖς, ἐν χοροῖς, ἐν θυσίαις γιγνόμενος ἡγεμών: «на сходки вроде нашей сходиться заставляет, водитель праздников, хоров и жертвоприношений», а не «объявляет начало разных заседаний, вроде нашего, и он начинает праздники, водит хороводы, служит торжественные службы»; (3) φιλόδωρος εὐμενείας, ἄδωρος δυσμενείας: «щедрый на приязнь, скупой на неприязнь», а не «приятель щедрости, неприятель жадности»; (4) ἴλεως ἀγαθοῖς: ἀγαθοῖς — чтение Германа, нарушающее симметрию перорации, по Бернету — ἴλεως ἀγαθός, «милостив и добр»; (5) θεατὸς σοφοῖς, ἀγαστὸς θεοῖς: ζηλωτὸς ἀμοίροις, κτητὸς εὐμοίροις: «мудрых вдохновитель, и богов восторг» еще сойдет, а вот дальше «ревность беспечных, радость обеспеченных» — это уже слишком неточно (ближе к оригиналу: «раденье обездоленных, нажива обеспеченных»); (6) Ἰμερος и Πόθος — это все же скорее «Страсть и Томление» (как πόθος правильно переведено ниже), чем «тоска и мечта»; (7) ἐν λόγῳ κυβερνήτης, ἐπιβάτης, παραστάτης: ἐν λόγῳ относится к предыдущему ряду, так что не «разума управление, советчик, заступник», а «рулевой, сторожевой (ἐπιβάτης в техническом значении), соратник»; (8) ὃ χρη̄ ἔπρασθαι πάντα ἄνδρα ἐφουμοῦντα καλῆς ᾠδῆς μετέχοντα ἦν ἄδει θέλγων πάντων θεῶν τε καὶ ἀνθρώπων νόημα: по Германиу καλῶς καλῆς ᾠδῆς, по Бернету καλῶς, ᾠδῆς, а Марков выбирает καλῆς ᾠδῆς, и перевод всей фразы плывет: «и за ним пусть идет всякий муж, участвующий в этом прекрасном песнопении, воспевая с наслаждением песнь, чарующую разум людей и богов», а на самом деле: «за ним пусть идет всякий муж, прекрасно воспевая ему гимны, участвуя в той песне, что он поет, чаруя умы всех богов и людей».

Так чего же ради старался переводчик? Стóит ли набор более или менее удачных рифмов такого основательного извращения смысла? Чуть ниже от этих стараний становится уже немного страшно (198а4–7: Сократ передразнивает Агафона):

Итак, думается, Акуменыч, я даром дернулся древней дрожью. Что прорек, то и повторю, что Агафон божественно говорит, а Сократ лишь в стороне сидит.

А на самом деле (мы тоже постараемся как можно ближе к тексту):

Ну что, тебе, сын Акуменов, кажется, что раньше забоялся я боязнью безбоязненной?¹² Или, по-твоему, разве не пророчески я только что сказал

¹²ἄδεῖς πάλα δέος δεδιέναι: *figura etymologica* в сочетании с оксюмороном. Схолия к этому месту отсылает к эпитету φοφοδεής из Phaedr. 257d1.

и произнес, что Агафон проговорит чудесно, а у меня и слов не хватит (ἔλεγον εἶπεῖν [...] ἐροῖ [...] ἀπορήσοιμι)?

Мы целиком согласны с обозначенной во введении оценкой уникальной, изоцированной композиции и стилистики «Пира», но как быть с провальной реализацией этих многообещающих — пусть и не новых — интуиций?

А теперь, после обзора текстологических и языковых особенностей нового перевода, приглядимся еще к тому, как в нем отражаются основные философские темы «Пира».

Бытие. Это слово у переводчика в особенном почете. В речи Федра, где говорится, что «почетно быть древнейшим богом» (τὸ γὰρ ἐν τοῖς πρεσβύτατον εἶναι τῶν θεῶν, τίμιον, 178a9–b1), Марков добавляет «среди старейших *по бытию* быть почетно». Возможно, тут он пытается по-своему риторически приукрасить фразу, при этом без малейшей грамматической поддержки, а быть может, ему кажется, что добавление слова «бытие» привносит в текст многоумие и философичность. Иначе как объяснить, что «после Хаоса *стали быть* эти двое, Земля и Эрос» (μετὰ τὸ Χάος δύο τοῦτω γενέσθαι, Γῆν τε καὶ Ἔρωτα, 178b8–9)? К простому «возникли» переводчик упорно прилетает бытие — может быть, это тонкое отражение философского смысла фрагмента, ведь Федр говорит, что о родителях Эроса никто не упоминает, «ни один прозаик и ни один поэт»?¹³ Но если выбор переводчика обусловлен отсутствием родителей у Эроса, почему он отбрасывает нейтральное «возник», а вводит неуклюже-торжественное и тем самым маркированное «стали быть»?

Похоже, здесь он намеренно пытается архаизировать речь (наперекор обычному своему «оживлению») и даже навязать ей некий ветхозаветный оттенок. Иной логики мы не видим, когда читаем следующую фразу: «и Парменид говорит о богине Бытии: *Первым из всех богов Эроса вообразила*». Неведомая богиня «Бытие» (?) — это марковский перевод слова γένεσις (возникновение, рождение, становление): Παρμενίδης δὲ τὴν γένεσιν λέγει πρῶτιστον μὲν Ἔρωτα θεῶν μητίσαστο πάντων (178b9–11). Невольно вспоминается русское название первой книги Библии, передающее Γένεσις Септуагинты. Однако в контексте «Пира» такой перевод

¹³οὔτε λέγονται ὑπ' οὐδενὸς οὔτε ἰδιώτου οὔτε ποιητοῦ (178b2–3). Марков переводит это «ни один простец и ни один поэт»: очень странно, что человек, нарочито подчеркивающий тему творчества и переводящий где надо и не надо «делать» (ποιέω) как «творить», не знает значения «прозаик, рассказчик» у слова ἰδιότης. А если знает, зачем вводит в заблуждение не знающего греческого языка читателя?

совершенно неверен и полностью противоположен философским интенциям Платона.

Генесис у Платона противоположен *бытию*, поскольку обозначает возникающее и гибнущее, рождающееся и умирающее, воспринимаемое ощущениями в отличие от всегда неизменного, не рождающегося и не гибнущего, незримого и воспринимаемого только умом (ср., например, Pl. Tht. 155ab; Pl. Tim. 29c3, 30–39, 51e–52d). На уровне лексики они четко противопоставлены: «как становление относится к бытию, так вера — к истине» (ὅτι περὶ πρὸς γένεσιν οὐσίαι, τοῦτο πρὸς πίστιν ἀλήθεια, Pl. Tim. 29c3).

В речи Федра цитируется фрагмент той части поэмы Парменида, где говорится о чувственном — «ложном» — мире *доксы*, и тем, кто здесь что-то «замыслил» (μητίστο), может быть только *генесис*. Намеренное столкновение Платоном «становления» и «замысла», возможно, отсылает к «срединному» положению Эрота между мирами смертных и бессмертных, однако Эрот, главный предмет обсуждения в «Пире», остается таким же загадочным для переводчика, как и отношение становления-бытия.

Во-первых, он постоянно смешивает Эрота как персонификацию, то есть бога (или, по словам Диотимы, *даймона*, а по-марковски «духа»), с эросом как соответствующим проявлением у людей и героев, в природе и т. д. Иногда эта «эротическая неразличимость» соответствует неверно переданной грамматике. Рассказ Федра о том, как Алкестида решила умереть вместо мужа, а боги, восхищенные ее поступком, дали ей вернуться из Аида, завершается выводом, что боги больше всего почитают рвение и доблесть ради эроса (179d1–2: θεοὶ τὴν περὶ τὸν ἔρωτα σπουδὴν τε καὶ ἀρετὴν μάλιστα τιμᾶσιν). У Маркова же читаем: «Так что они глубоко признательны пристрастному и доброму Эросу». Здесь боги вместо того, чтобы вознаградить бесстрашную и верную Алкестиду, признательны своему «коллеге» (так у Маркова называет Эрота Сократ в 212b), то есть в переводе полностью извращена тема награды / возмездия богов в отношении «эротических поступков» (Алкестида-Орфей-Ахилл).

Во-вторых, и это самое главное, Марков совершенно не видит, в чем суть отношения Эрота к прекрасному. В речах Сократа-Диотимы он сначала переводит *καλόν*, *καλός* и проч. как «прекрасное» или «красивое». А потом почему-то вдруг начинает вперемешку с «прекрасным» употреблять слово «привлекательный», например (201b6–7):

Будешь ли ты говорить, что Эрос прекрасен, если в нем совсем нет привлекательности, и он только еще стремится к этому?

В оригинале же сказано буквально следующее:

Так неужели ты назовешь прекрасным то, что совершенно лишено красоты и нуждается в ней? (τὸ ἐνδεὲς κάλλους καὶ μηδαμῆ κекτημένον κάλλος ἄρα λέγεις σὺ καλὸν εἶναι)

Если мы не ищем в текстах Платона философию, то, наверное, и так сойдет — какая, в самом деле, разница, красота или привлекательность, можно одно и то же греческое слово заменять, как вздумается, то одним, то другим. Но если допустить, что Платон использовал слова не просто так и хотел что-то ими выразить, помимо «сбивчивых речей, слезных признаний, хвастовства и перебивания друг друга» (с. 37), то стоит отнестись к ним внимательнее.

Вот Сократ спрашивает Агафона: «Не кажется ли тебе, что благо прекрасно?» (201c2: τὰγαθὰ οὐ καὶ καλὰ δοκεῖ σοι εἶναι). Когда тот отвечает утвердительно, Сократ делает вывод из предыдущего витка разговора: «Но если Эрот нуждается в прекрасном, а благо прекрасно, то, значит, он нуждается и в благе» (201c4–5: Εἰ ἄρα ὁ Ἔρως τῶν καλῶν ἐνδεής ἐστὶ, τὰ δὲ ἀγαθὰ καλὰ, κἂν τῶν ἀγαθῶν ἐνδεής εἴη). Здесь трудно не заметить игру с *калокагатией*, которая начинается уже в зачине диалога, когда Сократ «приукрасился, чтобы прекрасным идти к прекрасному» (в переводе Маркова — «поэтому и решил навести красоту, чтобы в красоте подтянуться к красоте», 174a9), то есть к Агафону (ἀγαθόν — благо, добро). Этот поход Сократа к Агафону затем в речи Диотимы оборачивается движением по «эротической лестнице» от телесного, чувственного к «прекрасному самому по себе», соотносимо с эйдосом «запредельного» блага в «Государстве». Употребление слова «красивый», «прекрасный» имеет здесь важнейшую смысловую нагрузку, а в сочетании с «благом» дает ключевую для платоновской философии пару эйдосов.

Марков переводит:

- Добро тебя привлекает?
- Меня? Да.
- Но если Эрос лишен привлекательности, а добро всегда привлекательно, значит, в Эросе нет ничего хорошего.

Таким образом, эротическая педагогика оказывается движением к *привлекательному* самому по себе, и мы уже не удивляемся, когда в кульминации речи Диотимы, в описании прекрасного самого по себе, читаем: «Кто не прерывал эротического обучения и дошел до этих вопросов, тому все привлекательное сразу и напрямую западет в зрение» (210e2–3: Ὅς γὰρ ἂν μέχρι ἐνταῦθα πρὸς τὰ ἐρωτικά παιδαγωγηθῆ, θεώμενος ἐφεξῆς τε καὶ ὀρθῶς τὰ καλά...). Уже не очень интересно, почему «созерцающий прекрасное последовательно и правильно» превратился в того, кому «все привлекательное сразу и напрямую западет в зрение», хочется узнать, как же оно «западет». А вот как (тут привлекательное снова превращается в красоту): «в ее искренней различимости, чистоте, породистости, без дополнения человеческой тучностью» (211e1–2: εἰλικρινές, καθαρὸν, ἄμικτον, ἀλλὰ μὴ ἀνάπλεων σαρκῶν τε ἀνθρωπίνων). Превращением «беспримесного, доподлинного» (εἰλικρινές) в «искреннюю различимость» мы, очевидно, обязаны игриво замаскированной примеси новогреческого¹⁴, а вот замена «несмешанного» (ἄμικτον, у Бернета ἄμεικτον) на «породистость», да еще в соседстве со словом «тучность», явно навеивает атмосферу скотного двора и животноводческих опытов.

И чем же все завершается? Тот, в кого «запало», оставляет «лживый быт» (φαῦλον βίον) и порождает «правду доблести, потому что встретился с правдой» (212a). Диотима говорит здесь о рождении истинной добродетели (ἀρετὴν ἀρετῆν) у того, кто наконец созерцает прекрасное само по себе, и слово ἀληθῆ повторяется три раза, поскольку истина противопоставляется «призракам» (εἶδωλα). Но слово «истина», видимо, кажется переводчику слишком напыщенным, и в итоге мы никак не выходим от чувственного к нозтическому, а остаемся на уровне разговора «очень политически влиятельных мужчин о некоем всем известном, но не до конца доступном предмете» (с. 7).

Завершая свою речь, марковский Сократ говорит (212b3–4):

Ради такого предназначения человеческой природы лучшего коллегу, чем Эрос, не найти.

Избавь, Дионис, от таких коллег, — скажем мы. И вернемся к вопросу об аудитории, на которую рассчитывал А. В. Марков, затеявая новый перевод «Пира».

¹⁴Значение «искренний» (основное в новогреческом) для εἰλικρινής оформилось лишь в послеплатоновскую эпоху, а какое значение вкладывал в это слово Платон, легко уточняется из других мест: ср. Pl. Phil. 52d6–7 (τὸ καθαρὸν τε καὶ εἰλικρινές), Pl. Phaed. 66a, Pl. Resp. 478e.

Перевод этот явно адресован тем, кто «тянется к высокому», притом что не читает по-гречески и в античной литературе в целом не слишком разбирается. Настоящая рецензия адресована тем, кто и по-гречески «Пир» способен прочесть, и хотя бы в общих чертах в курсе вторичной комментаторской литературы по диалогу. Создается нелепая и неловкая ситуация, когда рецензентам приходится указывать на «тени» (искаженный перевод) тем, кто и так прекрасно может их распознать, — смешная под стать истории с Аристодемом, потерявшим по пути Сократа, и печальная, как печально было Аполлодору (173c5–d3):

А вот когда слышу разговоры всяких ваших торговцев да менял¹⁵ только ерзаю на месте, и зарыдать готов: вы думаете, что что-нибудь придумали, но толком вы не способны ничего придумать. Вы меня можете считать рехнувшимся, но пусть даже вы смотрите в корень, — я про вас ничего не считаю, а просто знаю.

Вот так. «Ерзаю на месте, и зарыдать готов» — это на самом деле «досадно самому и вас, товарищи, жалею» (αὐτός τε ἄχθομαι ὑμᾶς τε τοὺς ἑταίρους ἔλεω), «рехнувшийся» — «дурак несчастный, бедолага» (κακοδαίμων), и «не считаю, а просто знаю» подразумевает именно «сами вы дураки» (по адресу выпавших в эллипсис «товарищей»). Нам остается лишь повторить за Аполлодором, адресуясь к образованным читателям нового перевода «Пира»: αὐτοί τε ἄχθόμεθα ὑμᾶς τε τοὺς ἑταίρους ἔλεοῦμεν.

Не уверены, что именно переводчик имел в виду, озаглавив введение к своей книге¹⁶ «Пожелание всего доброго». Но вспоминается двусмысленность греческого χαῖρε, которую так удачно обыгрывает Ж. Деррида в своей главной работе о Платоне (см. Деррида, Гараджа, 2017): «привет» и «прощай». Пожелаем же и мы переводу А. В. Маркова «всего доброго», «привет-прощай!» Поп-арт и поп-музыку мы все давно знаем и даже порой любим, а вот к поп-науке, поп-образованию — как и к поп-политике — привыкнуть все еще непросто. И ведь наверняка

¹⁵ πλουσίων καὶ χρηματιστικῶν, «богачей и дельцов»: не они ли навяли Маркову «очень политически влиятельных топов»?

¹⁶ Надо еще упомянуть, что к переводу «Пира» в книге прилагается перевод платиновского трактата III.5 «О любви», подписанный «Г. В. Малеванский». Однако, как выясняется, перед нами — очень легко подправленный перевод С. И. Еремеева, выполненный с английского перевода (а по правде — пересказа) С. Маккены. Кому же мы обязаны этим замечательным приложением и кто тот мастер, чьей рукой в тексте Плотина «дух» заменен на «гения», а «Дух» — на «Ум»? Мы остаемся на этот счет в неведении: понятно, не заслужили — а как насчет С. И. Еремеева?

кому-то из неизнуренных образованием режиссеров вздумается с марковской подачи (с. 38) поставить по такому «Пиру» спектакль или снять фильм. Как у флорентийских платоников на вилле Кареджи, конечно, едва ли получится, но то-то смеху нас еще ждет! И вот за это нашему переводчику спасибо и χαῖρε!

СОКРАЩЕНИЯ

- Ar. Po. *Aristoteles. Poetics* / ed. by W. D. Ross. — Oxford : Clarendon Press, 2012.
- Hom. Il. *Homerus. Ilias. Vol. 1/2* / Ed. D. B. Monro, T. W. Allen. — Oxford : Clarendon Press, 1920.
- Pl. Phaed. *Plato. Phaedo* // *Platonis opera. In 5 vols. Vol. 1* / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1900.
- Pl. Phil. *Plato. Philebus* // *Platonis opera. In 5 vols. Vol. 2* / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1902.
- Pl. Resp. *Plato. Respublica* // *Platonis opera. In 5 vols. Vol. 4* / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1902.
- Pl. Symp. *Plato. Symposium* // *Platonis opera. In 5 vols. Vol. 2* / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1910.
- Pl. Tht. *Plato. Theaetetus* // *Platonis opera. In 5 vols. Vol. 1* / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1900.
- Pl. Tim. *Plato. Timaeus* // *Platonis opera. In 5 vols. Vol. 4* / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1902.
- Plu. Quaest. conviv. *Plutarchus. Plutarchi Chaeronensis Moralia. In 7 Bde. Bd. 4. Quaestiones conviviales* / hrsg. von G. N. Bernardakis. — Leipzig : Teubner, 1892.

ИСТОЧНИКИ

- The Oxyrhynchus papyri. Pt. 5 / ed. by V. P. Grenfell, A. S. Hunt ; comm. by V. P. Grenfell, A. S. Hunt. — London : Egypt Exploration Fund, 1908.

ЛИТЕРАТУРА

- Гараджа А. В. О смысле эпидексии в платоновском «Пире» // Платоновские исследования. — 2016. — Т. 5, № 2. — С. 154–163.
- Гараджа А. В., Протопопова И. А. Convivii trivialis : заметки по тексту платоновского «Пира» // Платоновские исследования. — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 83–116.
- Гомер. Илиада / под ред. А. И. Зайцева ; пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. — СПб. : Наука, 2008.
- Деррида Ж. Фармация Платона / пер. с фр. А. В. Гараджи // Платоновские исследования. — 2017. — Т. 6, № 1. — С. 113–254.

- Платон*. Пир / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Полное собрание творений Платона в 15 томах. В 6 т. Т. 5 / под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. — СПб. : Academia, 1922. — С. 3–83.
- Платон*. Пир / пер. с древнегреч. С. К. Апта // Избранные диалоги : пер. с древнегреч. / сост. и предисл. В. Асмуса ; коммент. А. Егунова. — М. : Художественная литература, 1965. — С. 118–184.
- Платон*. Пир / пер. с древнегреч. С. К. Апта, А. А. Столярова // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1993. — С. 81–134.
- Платон*. Пир : новый перевод / под ред. Д. Рындина ; пер. с древнегреч. А. В. Маркова. — М. : Рипол-Классик, 2019.
- Протопопова И. А.* Μαλακός versus μακρός (о роли пересказа в платоновском «Пире») // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: Философия. — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 19–27.
- Протопопова И. А.* Ὑβρις как инверсия «объекта» и «метода» в «Пире» Платона // ΣΧΟΛΗ. — 2016а. — Т. 10, № 1. — С. 164–182.
- Протопопова И. А.* Кто к кому идет на пир, или о «порче» пословиц в платоновском «Пире» (Smp. 174a3–c7) // ΣΧΟΛΗ. — 2016b. — Т. 10, № 2. — С. 409–418.
- Plato*. Platonis Opera. Bd. 2. Symposium / hrsg. von K. F. Hermann. — Leipzig : Teubner, 1851.
- Plato*. Platonis opera omnia. In 10 Bde. Bd. 1. Т. 3. Symposium / hrsg. von J. G. Stallbaum. — Gothae : Hennings, 1852.
- Plato*. The Symposium of Plato / ed. and comm. by R. G. Bury. — Cambridge : W. Heifer and Sons, 1909.
- Plato*. Symposium // Platonis opera. In 5 vols. Vol. 2 / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1910.
- Plato*. Plato with an English Translation. Vol. 5. Symposium / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — London : Heinemann, 1925.
- Plato*. Symposium / ed. and comm. by K. Dover. — Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Plato*. Plato's Symposium / comm. by A. Bloom, S. Benardete ; trans. from the Ancient Greek by S. Benardete. — Chicago : University of Chicago Press, 2001.

Garadja, A. V., and I. A. Protopopova. 2019. “‘Chto-to smeshnoye na nas napalo’ [‘Something Funny Has Overtaken Us’]: o novom perevode platonovskogo ‘Pira’ [a New Translation of Plato’s ‘Symposium’]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (1), 265–285.

ALEXEI GARADJA

RESEARCH FELLOW AT THE PLATONIC INVESTIGATIONS CENTER (PINC)
OF THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW

IRINA PROTOPOPOVA

PHD, RESEARCH FELLOW AND PROGRAMME DIRECTOR AT THE PLATONIC INVESTIGATIONS
CENTER (PINC) OF THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW

“SOMETHING FUNNY HAS OVERTAKEN US”

A NEW TRANSLATION OF PLATO’S “SYMPOSIUM”

PLATON [PLATO]. 2019. *PIR [SYMPOSIUM]: NOVYY PEREVOD [NEW TRANSLATION]* [IN RUSSIAN]. ED. BY D. RYNDIN. TRANS. FROM THE ANCIENT GREEK BY A. V. MARKOV. MOSKVA [MOSCOW]: RIPOL-KLASSIK

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-1-265-285.

REFERENCES

- Aristoteles. 2012. *Poetics* [in Ancient Greek and Latin]. Ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press.
- Derrida, Zh. [Derrida, J.] 2017. “Farmatsiya Platona [La Pharmacie de Platon]” [in Russian], trans. from the French by A. V. Garadja. *Platonovskiy issledovaniya* 6 (1): 113–254.
- Garadja, A. V. 2016. “O smysle epideksii v platonovskom ‘Pire’ [On the Sense of epidexia in Plato’s ‘Symposium’]” [in Russian]. *Platonovskiy issledovaniya* 5 (2): 154–163.
- Garadja, A. V., and I. A. Protopopova. 2015. “Convivii trivvia: zametki po tekstu platonovskogo ‘Pira’ [Notes on the Text of Plato’s ‘Symposium’]” [in Russian]. *Platonovskiy issledovaniya* 2 (1): 83–116.
- Gomer [Homer]. 2008. *Iliada [Iliad]* [in Russian]. Ed. by A. I. Zaytsev. Trans. from the Ancient Greek by N. I. Gnedich. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Grenfell, B. P., and A. S. Hunt, eds. 1908. *The Oxyrhynchus papyri. Pt. 5* [in English and Ancient Greek]. Comm. by B. P. Grenfell and A. S. Hunt. London: Egypt Exploration Fund.
- Homerus. 1920. *Ilias* [in Ancient Greek]. Ed. by D. B. Monro and T. W. Allen. Vol. 1–2. Oxford: Clarendon Press.
- Plato. 1851. *Symposium* [in Ancient Greek]. Vol. 2 of *Platonis Opera*, ed. by K. Fr. Hermann. Leipzig: Teubner.
- . 1852. *Symposium* [in Ancient Greek]. Vol. 1, bk. 3 of *Platonis opera omnia*, ed. by J. G. Stallbaum. 10 vols. Gothae: Hennings.
- . 1900. *Phaedo* [in Ancient Greek]. In vol. 1 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1900. *Theaetetus* [in Ancient Greek]. In vol. 1 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1902. *Philebus* [in Ancient Greek]. In vol. 2 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1902. *Respublica* [in Ancient Greek]. In vol. 4 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.

- . 1902. *Timaeus* [in Ancient Greek]. In vol. 4 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1909. *The Symposium of Plato [Platonis Symposium]* [in English and Ancient Greek]. Ed. and comm. by R. G. Bury. Cambridge: W. Heifer and Sons.
- . 1910. *Symposium* [in Ancient Greek]. In vol. 2 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1910. *Symposium* [in Ancient Greek]. In vol. 2 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1925. *Symposium* [in Ancient Greek and English]. Vol. 5 of *Plato with an English Translation*, trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. London: Heinemann.
- . 1980. *Symposium* [in Ancient Greek]. Ed. and comm. by K. Dover. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2001. *Plato's Symposium*. Comm. by A. Bloom and S. Benardete. Trans. from the Ancient Greek by S. Benardete. Chicago: University of Chicago Press.
- Platon [Plato]. 1922. *Pir [Symposium]* [in Russian]. In vol. 5 of *Polnoye sobraniye tvoreniy Platona v 15 tomakh [Complete Collection of Plato's Works]*, ed. by S. A. Zhebelev, L. P. Karsavin, and E. L. Radlov, trans. from the Ancient Greek by S. A. Zhebelev, 3–83. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Academia.
- . 1965. *Pir [Symposium]* [in Russian]. In *Izbrannyye dialogi [Selected Dialogues]*, comp. V. Asmus, comm. by V. Asmus, trans. from the Ancient Greek by S. K. Apt, with a forew. by V. Asmus, 118–184. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 1993. *Pir [Symposium]* [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by S. K. Apt and A. A. Stolyarov, 81–134. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Plutarchus. 1892. *Quaestiones convivales* [in Ancient Greek and Latin]. Vol. 4 of *Plutarchi Chaeronensis Moralia*, ed. by G. N. Bernardakis. 7 vols. Leipzig: Teubner.
- Protopopova, I. A. 2015. “Μαλακός versus μανικός (о роли пересказа в платоновском ‘Пире’)” [in Russian]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina: Filosofiya* 2 (1): 19–27.
- . 2016a. “Кто к кому идет на пир, или о ‘porche’ пословиц в платоновском ‘Пире’ (Smp. 174a3–c7)” [in Russian]. *ΣΧΟΛΗ* 10 (2): 409–418.
- . 2016b. “Υβρις как inversiya ‘ob’yekta’ i ‘metoda’ v ‘Пире’ Platona” [in Russian]. *ΣΧΟΛΗ* 10 (1): 164–182.